

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

КАМЕНЕВА, Льва Борисовича,

от 19-го января 1935 года.

Я хочу рассказать все, что я знаю, или о чем хотя бы подозреваю, о людях, с которыми мне приходилось встречаться или о которых я слышал, поскольку они выражали в какой бы то ни было степени антипартийные мнения, настроения и взгляды.

Прежде всего, хочу подчеркнуть, что мне кажется весьма опасным то настроение, которое проявили ЛОМИНАДЗЕ и ШАЦКИН во время моей беседы с ними в 1932 году. Оба они были настроены резко враждебно по отношению к партийной линии и к руководству вообще, в частности, к тов. СТАЛИНУ. Оба они считали невозможным оставаться бездеятельными и очень настойчиво говорили мне о необходимости связи между различными антипартийными группами, выдвигая, как форму этой связи, создание каждой группой строго законспирированной тройки, которые бы поддерживали между собою сношения.

Они сказали, при этом, что такая тройка у них существует в составе ШАЦКИНА, ЛОМИНАДЗЕ и, кажется, точно не помню фамилии - РЕЗНИКОВА. Помню, что это третье лицо находилось в Воронеже. На мой вопрос об отношении к СТАЛИНУ, они отозвались пренебрежительно, сказав, что он человек невыдержанный, что он путается неведомо с кем и что ему нельзя доверять. Они были, несомненно, разочарованы, когда я назвал их затею ребяческой, указав, что опыт всей партийной жизни показыва-

ет, что никаких тайных организаций в партии не может держаться, и что я считаю ребячеством затевать подобное дело.

В итоге разговора мне показалось, что они потеряли всякую надежду на меня, но ни капельки не разуверились в правильности того пути, на котором они стояли. Во всяком случае, больше с подобными разговорами они ко мне не обращались.

У меня такое впечатление, что им доверять ни в коем случае нельзя. Ни о их настроениях, ни о их делах после того разговора я ничего не слышал, кроме одного случая, который, по моему, подтверждает высказанное мною впечатление. Случай этот таков: совсем недавно, уже после возвращения из Кисловодска, ЗИНОВЬЕВ мне рассказывал следующее: - будто бы у тов. СТАЛИНА в Сочи за ужином в небольшой компании присутствовал и ЛОМИНАДЗЕ, который поднял тост за тов. СТАЛИНА, а когда присутствующие там заметили ему, что с его стороны этого мало, он вторично поднялся и нашелся сказать только одно, что он больше обманывать присутствующих не будет.

ЗИНОВЬЕВ, передавая этот рассказ, назвал того, кто ему это рассказывал непосредственно, со слов самого ЛОМИНАДЗЕ. Я, к сожалению, не помню имени рассказчика; думаю, что, если у ЛОМИНАДЗЕ и МАДЬЯРА есть какаянибудь связь, то этим рассказчиком был МАДЬЯР.

Считаю нужным передать этот рассказ потому, что мне кажется очень важным установление человека, который так непосредственно мог передавать этот факт, а затем и потому, что сам факт рассказа ЛОМИНАДЗЕ и тон, которым он был сделан, не могут свидетельствовать ни о какой искренности рассказчика, т.е. ЛОМИНАДЗЕ.

Возвращаясь к плану ШАЦКИНА и ЛОМИНАДЗЕ, я должен

поставить с ним в связь следующий факт; должен признать, что в то время никакой связи между этими фактами не видел и то, что сейчас расскажу просто забыл. Вспомнил это только теперь, тщательно напрягая память, чтобы установить мои отношения с ВАГАНЬЯНОМ.

Только теперь я вспомнил, что в 1932г., вероятно, весной, а, может быть, даже и зимой 1931-32г. ВАГАНЬЯН очень настойчиво, не менее двух раз, приставал ко мне с указанием на недопустимость пассивного поведения бывш. оппозиционных групп и, в частности, лично моего, перед лицом тех тяжелых настроений, через которые проходит страна.

Вспоминаю, что первый разговор он вел очень осторожно, и говорил только о том, что было бы полезно, хотя бы изредка, без всяких взаимных обязательств собираться бывшим оппозиционерам для обмена мнениями.

Несмотря на то, что я отнесся к его предложению и ко всем его рассуждениям отрицательно, он явился ко мне второй раз, вновь очень настойчиво предлагал выйти из состояния пассивности. Помню, что он при этом намекал на то, что мое отрицательное отношение к его предложению будет расцениваться в известных кругах просто, как трусость; при этом, повидимому, для укрепления меня в мысли, что дело поставлено на строго конспиративных началах, он сказал, что их тройка состоит из таких людей, как МРАЧКОВСКИЙ, И. СМЕРНОВ и он сам.

Помню, что меня возмутил этот намек на трусость, и что я резко отклонил все его предложения, заявив, что ни на какую конспиративную организацию я не пойду. Помню, что он был явно огорчен решительностью моего отказа, сейчас же встал, чтобы уйти, и сказал мне на прощанье: "Значит, это непоколебимо, Лев Борисович?"

Вспомнив теперь об этих разговорах с ВАГАНЬЯНОМ, я не

могу не поставить их в связь с тем, что я услышал через несколько месяцев от ШАЦКИНА и ЛОМИНАДЗЕ. Мне кажется теперь, что оба предложения в своей основе имели единый организационный план и что обе группы знали друг о друге, и что их тройки находились в каких-то отношениях; думаю теперь, хотя не имею фактических данных, что план строго конспиративной организации подобного типа мог быть выработан в среде упомянутых мною лиц только И. СМЕРНОВЫМ, который еще во время открытой фракционной борьбы считался среди троцкистов как бы начальником штаба и лучшим организатором, причем организатором именно подобного рода мелких и законспирированных ячеек.

Если я рассказываю такие детали, на которые в свое время сам не обратил внимания и весь смысл которых я оценил только сейчас, то потому, что, быть может, эти детали и мои догадки помогут правительству распутать все нити и узлы подполья.

Если же я указываю на мое отрицательное отношение к предложениям и ВАГАНЬЯНА и ШАЦКИНА - ЛОМИНАДЗЕ, то ни в каком случае, чтобы снять с себя хотя бы малейшую ответственность. Я помню хорошо; конспирация с ВАГАНЬЯНОМ, ШАЦКИНЫМ, МРАЧКОВСКИМ и т.д. меня ни в малейшей степени не привлекала и тогда; что я не видел для нее никаких перспектив и никакой программы, поэтому так резко, ни с кем не советуясь, я дал отрицательный ответ той и другой группе.

Эти две группы и по своему составу и по тому настроению, которое было у них в 1932г. (ВАГАНЬЯНА я видел и в 1934г., когда он приходил в издательство просить работу, но никаких политических разговоров я с ним не имел), представляются мне из всех известных мне групп и лиц наиболее вредоносными и опасными.

Следующую ступень по своей опасности, представляется мне, занимает ШЛЯПНИКОВ. Последние годы я с ним не встречался, кроме случайных встреч, но я не видел и не слышал ни о каких признаках какого бы то ни было смягчения у него и у МЕДВЕДЕВА их резко враждебного настроения. Это несомненные враги, не очень даже стремящиеся прикрыть свою враждебность

МЕДВЕДЕВА я считаю опаснее ШЛЯПНИКОВА, ибо всегда он выступал, как человек, идущий до конца и не боящийся делать выводы из своих положений.

Перехожу к характеристике другой группы, бывш. правых. До отъезда в Минусинск я несколько раз виделся с Томским по деловым поводам, но разговор переходил и на политическую почву.

Я должен констатировать, что не заметил у него никакого пересмотра враждебного отношения к партийному руководству. Он мне ничего не предлагал и вообще, повидимому, не имел никаких перспектив, но все его высказывания и характеристики положения в партии и ее руководителей были вполне достаточным свидетельством того, что он сохранил к ним свое совершенно отрицательное отношение.

Настроения его можно характеризовать такими словами: "Нас разбили, нам теперь уже больше не подняться, но все это сделано неправильно и отказываться мне не от чего".

Помню такую его фразу: "Мы дали себя провести СТАЛИНУ (в ответ на мой вопрос, как правые сейчас оценивают свое участие в борьбе с нами в 1925-28 г.г.). Теперь он победил на долго и будет долго нас мучить".

После возвращения из Минусинска, Томского я не видел. Последняя встреча моя с Рыковым происходила еще в его кабинете в Совнаркоме, следовательно, до снятия его. Он дер-

жался сдержанно, но тоже с видом человека, которому решительно нечего пересматривать в своих политических мнениях.

Из фраз его помню только одну - на мой вопрос о настроениях его единомышленников, он ответил приблизительно так: "Я и Томский думаем одинаково, а Бухарина я не понимаю, он занимается какой-то эквилибристикой и, кажется, надеется провести Сталина".

Отношение к линии Бухарина было у него в этот момент явно отрицательное.

Что касается самого Бухарина, то у меня нет никаких твердых данных для характеристики его настроений. Я виделся с ним несколько раз (два-три раза) в 1933-34г.г., по чисто литературским мотивам. Однажды он заходил ко мне в издательство с предложением написать статью для сборника Академии Наук, посвященную Ленину, статью "Ленин и диктатура пролетариата".

На мой вопрос, почему он сам не напишет, он мне ответил, что боится придирок.

Второй раз я сам завез ему в редакцию "Известий" статью, которая была там напечатана. При этом он предлагал мне взять на себя редакцию литературно-критического отдела "Известий". Я отказался, сославшись на занятость, на самом же деле, потому, что считал политически неприемлемым для себя участие в редакции вместе с Бухариным и безтактным со стороны Бухарина предлагать мне это без ЦК.

В обоих случаях не было политических разговоров, но из отдельных выражений и недоговоренных слов и т.п. у меня составилось впечатление, что он ничего по существу не пересмотрел, продолжает считать несправедливостью и случайностью свое отстранение от участия в руководстве партии и

имеет как-бы два идейных хозяйства: одно - для внешнего мира, которое, вместе с тем, позволяет ему вести газету, и другое - тайное; для себя, в которое, быть может, он никого и не впускает, но в котором в неприкосновенности остались все те чувства и мысли, которые он питал во время открытой борьбы с партией.

Повторяю, что для сделанных мною выше характеристик правых у меня нет твердых и неоспоримых доказательств. Это-результат суммы впечатлений. Дать же эту характеристику считаю необходимым потому, что сам теперь убедился, какой опасный материал представляют хотя бы и недоговоренные, хотя бы и скрытые антипартийные настроения.

Несомненно, БУХАРИН хочет вернуться к руководящей роли в партии, заслужить доверие, но не потому, что он пересмотрел свои взгляды, а, продолжая ту политику, о которой мне сказал еще в 1929 году: "Мы научены вашим опытом и не дадим себя вывести из строя так как вы".

Разница настроений у Томского и Бухарина, кажется мне, объясняется не той или другой степенью пересмотра своего отношения к партии, а только тем, что Томский производит впечатление человека, махнувшего рукой и не видящего для себя никаких перспектив, в то время как Бухарин моложе, подвижнее, легче умеет маскироваться и далеко не махнул еще рукой на свое будущее в партии.

Настроение СМИЛГИ мне не совсем ясно, хотя мы с ним и встречались за последние два года несколько раз (приезжая из Ташкента, он неизменно заходил в издательство), но прямых политических разговоров между нами не было, и я не имел случая услышать от него скольконибудь связанного изложения его настроений или мнений. Каких-нибудь злостных выходов против

линии партии или ее руководителей я от него не слышал. Какихнибудь злостных сведений из области своей работы он мне тоже не передавал.

Мне думается, однако, что он принадлежит к тем людям, которые считают себя как бы в отпуску от политики, но готовые явиться на сборный пункт по первому сигналу, и тогда окажется, что они ни в чем не изменили своего отрицательного отношения ко всей последней эпохе партийной деятельности.

Я не слышал от СМЛГ, чтобы он был связан с какой-нибудь группой или чтобы за ним кто-нибудь стоял. Правда, в 1932г., когда я формировал редакцию издательства Академии и пригласил его взять на себя редакцию отдела иностранных мемуаров, он мне сказал, что у него есть группа знакомых молодых историков. И, действительно, роздал ряд работ РОХКИНУ, ВОЛКОВУ, СТАРОСЕЛЬСКОМУ и др..

Ряд из этих работников, как я узнал потом, был привлечен к делу рютинцев. Помню, что, вернувшись из Минусинска и встретившись со СМЛГОЙ, я посмеялся над ним, сказавши: "Что же вы хвастались своими молодыми историками? Ведь они оказались рютинцами". На это СМЛГА ответил мне: "А черт их знал, что они рютинцы".

В 1932г. со мною вместе в Главконцескоме работал ТРИФОНОВ. Из его рассказов я понял, что он встречается довольно часто со СМЛГОЙ, и что СМЛГА передает ему те данные, которые он почерпает из своей работы в Госплане.

Отношение ТРИФОНОВА, а следовательно и СМЛГ, в то время к проводившейся политике и их оценка положения в стране были отрицательные. У ТРИФОНОВА, на мой взгляд, это носило несколько обывательский характер, т.е. он не делал из своих взглядов никаких политических выводов и обобщений, а просто

указывал, что там-то плохо, то-то делается не хорошо, главным образом, обращая внимание на невыполнение плана в области угля и металла.

Со СМИЛГОЙ я встретился еще осенью 1932г. в Гаграх. Политических разговоров и здесь я не припомню. Кажется, мне, что я рассказал ему о существовании рютинской платформы. Помнится, что он воспринял этот рассказ, как нечто новое для себя.

Ни ТРИФОНОВА, ни СМИЛГУ считать стоящими на партийных позициях нельзя.

Вообще, суммируя свои впечатления за последние годы от ряда бывших руководителей оппозиционных групп или их активных участников, я полагаю, что многих из них нужно характеризовать, как людей, находящихся "в отпуску", т.е. как людей, ничего не пересмотревших, отнюдь не отказавшихся от враждебного, а часто и в высшей степени враждебного отношения к руководству партии, но считающих, что сейчас делать нечего и что остается ждать какого-нибудь момента, когда они смогут выступить активно.

Кроме указанных выше лиц, я, например, считаю, что к этому разряду людей относится УГЛАНОВ, что бы он ни говорил и как бы себя ни вел.

Последний разговор с УГЛАНОВЫМ (вероятно, зимой 1931г.) случайно, на улице, где он меня нагнал, запомнился мне потому, что он употребил в разговоре такую формулировку: если будет война, то мы будем драться по колено в крови.

Я не понял и переспросил его. Тогда он сказал, что по его впечатлениям настроение крестьянства таково, что раньше, чем идти на фронт, придется усмирять обширнейшие крестьянские бунты. На мой, несколько злорадный вопрос: "Что же, Вас все покинули?" - он мне ответил: "Нет, ошибаетесь; когда я

бываю в Москве, я захожу к КОЗЛОВУ (бывш. член бюро МК), он хороший парень, вокруг него собираются ребята".

Вероятно, есть ряд других людей в таком же настроении, о которых я не знаю. Укажу только, что одной из точек накопления, если не прямо враждебного, то сильно критического отношения к текущей политике партии, является В.И. НЕВСКИЙ. Это свое критическое настроение он настолько не умеет сдерживать, что даже поставил меня однажды в неловкое положение перед беспартийными, разразившись на каком-то редакционном собрании издательства в конце 1933г. речью в защиту необходимости свободы мнений и свободы критики. Причем говорил так нелепо и с таким ясным намеком, что кто-то ему мешает разрабатывать исторические вопросы с полной свободой, что вызвал возражения не только присутствующих партийцев, но и ряда беспартийных. Я вынужден был тогда в заключительном слове дать ему решительно отпор.

Он несколько раз очень хвалил, как своего ученика, молодого историка ПАРАДИЗОВА. Последнего я видел несколько раз по издательским делам и беседовал на литературные темы, но не на политические. НЕВСКИЙ, во всяком случае, относится к числу людей, внутренне не примирившихся с партией.

Из литераторов, с которыми мне приходилось встречаться по работе, я считаю таким-же и И.А. ТЕОДОРОВИЧА.

Переберу теперь людей, о которых мне напоминало следствие: ЗОФ - от него у меня двойственное впечатление. Я помню, что в 1932г. ЗИНОВЬЕВ с некоторым удивлением рассказывал мне, что к нему явился неожиданно ЗОФ, как-бы с покаянием за отход от нашей группы, рассказывал при этом о скверном положении в стране, в частности, о голоде на Украине и говорил, что наша роль еще не сыграна, что правительство нахо-

дится в таком затруднении, что оно должно будет нас позвать. Но, когда уже в 1933г. я случайно увидел ЗОФА в доме отдыха в Форосе, он ничего подобного мне не говорил, а, наоборот, с восторгом отзывался о своей работе и о больших успехах на Украине. Ни я ему, ни он мне не напомнили о посещениях им ЗИНОВЬЕВА.

С ПРЕОБРАЖЕНСКИМ я встретился только на 17-м съезде партии после своей речи, и короткий разговор с ним произвел на меня впечатление того, что он действительно пересмотрел свои взгляды и действительно помирился с партией.

СОВКОЛЬНИКОВ порвал с нами окончательно и давно. Мы живем с ним рядом, но за последние 3-4 года он ни разу не зашел ко мне и вообще явно показывал, что не желает хотя бы личных отношений, также как лично и окончательно порвал ПЯТАКОВ.

О ПОЛУЯНЕ (каком из двух не помню) я слышал от ЗИНОВЬЕВА, что, вернувшись из поездки по Кубани, он плакал и говорил: Вот, до чего довели Кубань, что вместо прекрасной пшеницы, там выше головы всадника все заросло сорняком.

Я считаю очень опасным человеком САФАРОВА. Опасным, благодаря неустойчивости своего характера, быстрой смены настроений и постоянной готовности делать самые острые выводы из любого положения.

Раньше, чем перейти к характеристике ЗИНОВЬЕВА, укажу еще на кое-какие вещи, которые, может быть, и не имеют значения, но которые партия должна знать.

Во время с"езда ЗИНОВЬЕВ передавал мне следующие впечатления: он сидел рядом с КУБЯКОМ и КОМАРОВЫМ; все время с"езда у них было настроение какое-то скептически-ироническое. ЗИНОВЬЕВ говорил мне: " видно, что этих людей по существу ничего не интересует, а оживились они только к моменту выборов ЦК и, когда слышали свои фамилии в числе кандидатов в ЦК, один из них написал другому записку: " И то хорошо, по крайней мере, с квартиры не прогонят".

ЗИНОВЬЕВ говорил мне, что прочел эту записку, когда ее писал один из них.

В 1932г. рядом с нами в доме отдыха ОГИЗ"а - жил несколько дней РОТШТЕЙН. Раз или два он зашел ко мне, при этом он резко отрицательно отзывался о положении, созданном политикой партии, говоря, что он ничего в этой политике не понимает, что она ведет к обеднению страны и т.д.

Должен добавить, что, когда я встретился с РОТШТЕЙНОМ вновь в 1934г. в Остафьеве, у него не было и следов тех настроений, или, по крайней мере, он мне ничего о них не говорил. Наоборот, он с полным восторгом и удовлетворением, в ответ на мой вопрос, как он живет, сообщил мне что он написал письмо т.СТАЛИНУ и получил полное удовлетворение, что благодаря т.СТАЛИНУ, он имеет теперь возможность целиком отдаваться своей работе, что он устроен превосходно материально для этой

работы и т.д..

Должен, что-бы не возвращаться, сказать еще о СТЭНЕ.

Я с ним познакомился и встречался ближе только в 1932г. Он был настроен весьма критически к политике партии и лично к т.СТАЛИНУ, но производил впечатление одиночки, выражающего свои личные мнения, и человека, по существу мало интересующегося политикой.

У меня разговор с ним очень быстро переходил на темы литературные и философские.

Теперь расскажу как было действительно дело с, так называемой, рютинской платформой. В самом конце октября 1932 г., вполне оформив свой отпуск и имея на руках уже путевку, я в последний раз заехал на дачу, чтобы забрать нужные книги и т.п. Это было вечером, часов в 9; во время ужина, от ЗИНОВЬЕВА пришла его домработница и сказала, что ЗИНОВЬЕВ просит меня подняться к нему. Я застал у ЗИНОВЬЕВА СТЭНА. Как только я зашел, ЗИНОВЬЕВ, передавая мне какой-то документ сказал: "Прочти и скажи, откуда, по твоему, этот документ может исходить". На мой вопрос в чем дело, он мне ответил: "Вот, мы с СТЭНОМ спорим, кто бы мог это написать, прочти и скажи свое мнение". Я тут же прочел этот документ и сказал, отчетливо помню: "Это какие то взбесившиеся правые". ЗИНОВЬЕВ на это сказал: "Вот, и я думаю также, а СТЭН настаивает, что это идет от левых". Я тогда сказал: "Но СТЭН же знает от кого он получил, следовательно, по этому он может судить, откуда это идет", и прямо спросил СТЭНА: "От кого Вы получили?" СТЭН мне ответил: "Этого сказать я не могу, да это и не характерно, а почему Вы думаете, что это идет от правых?"

Я стал указывать на отдельные пункты документа, которые, по моему, подтверждали мою мысль. Я запнулся об один пункт.

Не помню, ЗИНОВЬЕВ или СТЭН сказали мне: "Но ведь мы же знаем правых, кто же по твоему лично мог это написать?" Я ответил, что первой напрашивается мысль, что это произведение пера БУХАРИНА, но, что я не думаю, чтобы он дошел до такой точки кипения, которая чувствуется в этом документе, и, что поэтому я не решаюсь приписать его БУХАРИНУ, но СТЭН продолжал настаивать, что это все-таки идет из левых кругов и вскоре, заторопившись, уехал, так как уходил его поезд. Не помню, при СТЭНЕ или же после его ухода, я сказал: "За такие вещи будут стрелять и будут правы".

Должен прибавить, что, рассказывая через несколько дней об этом документе СМИЛГЕ и ШАЦКИНУ-ЛОМИНАДЗЕ, я все еще находился под тем же впечатлением и то-же употребил ту-же характеристику: "За такие вещи будут стрелять и будут правы".

Через несколько дней я получил телеграфное предписание явиться в ЦКК и, приехав в Москву, пришел к ЗИНОВЬЕВУ, все еще не связывая своего вызова с этим документом.

На квартире ЗИНОВЬЕВА я застал, кроме него, ЕВДОКИМОВА, БАКАЕВА и, кажется, ХАРИТОНОВА. Был еще и 4-й, но кто именно - не помню.

Тут только мне ЗИНОВЬЕВ сказал, что документ, который нам показал СТЭН, принадлежит рютинцам (что меня, помню, очень удивило, ибо я никогда не слышал и не подозревал, чтобы РЮТИН мог играть роль вожака или идеолога какой нибудь группы), что СТЭН арестован, и что ЦКК привлекает нас к этому делу.

Дальнейшее известно. Теперь расскажу то, что я знаю о связях по международному движению.

Лично у меня никаких связей не было. Что касается ЗИНОВЬЕВА, то я вспоминаю три случая, о которых он мне рассказывал и которые могут иметь некоторое значение.

Нужно сказать, что ЗИНОВЬЕВ вернулся из Кустаная, очень

напуганный успехами фашизма. Фашизм, причина его побед в Германии, дальнейшая его судьба, в первое время занимали ЗИНОВЬЕВА целиком, и почти ни о чем другом он не говорил. Понемногу выяснилось для меня, что испуг перед фашизмом толкает ЗИНОВЬЕВА к ревизии тактики Коминтерна за последнее время.

Я не могу сказать, чтобы отдельные критические замечания ЗИНОВЬЕВА на эту тему слились в какую-нибудь законченную систему, которую он продумал до конца. В общем, однако, его критические замечания можно сгруппировать вокруг 3-х пунктов:

1. он подчеркивал, что характеристика II-го Интернационала, как социал-фашистского, оказалась неверной;

2. что тактику единого фронта надо было начать проводить раньше и, главное, не настаивая так твердо на отделении масс от вождей;

3. /это было уже после появления в газетах сведений о едином фронте во Франции/. Что, если бы в Германии проводилась политика единого фронта по типу французскому, то, быть может, удалось бы предотвратить приход к власти Гитлера.

Однажды, помню, ЗИНОВЬЕВ "возвысился" до такого обобщения; ясно-де, что по всей Европе идет громадная волна фашизма и что противостоять ей мог бы только рабочий класс в целом, а теперь-де фашисты бьют рабочий класс по частям, сначала коммунистов, потом социал-демократов.

Эта точка зрения сопровождалась, конечно, критическим отношением к деятельности Коминтерна; в связи с последним, я и вспоминаю вышеуказанные три разговора. Первый относится к докладу, сделанному ЗИНОВЬЕВЫМ в Институте Мирового Хозяйства. Он пришел ко мне на следующий день после доклада и с увлечением рассказал, что доклад был принят очень хоро-

шо, что после доклада вокруг него собрался ряд руководящих лиц Коминтерна (он назвал, помнится, ПЯТНИЦКОГО, ГЕККЕРТА и БЕЛА-КУНА), поздравляли его с докладом и что кто-то из названных лиц вслух сказал: "Вот это председатель Коминтерна".

Другой раз ЗИНОВЬЕВ рассказывал о своей беседе с кем-то из немцев, кажется, с ГЕККЕРТОМ. Помнится, он передавал, что впечатление у него получилось очень печальное, что в ЦК германской партии склока, что настоящего руководства нет, что вождем является ПИК, но что и он разложился и собирает коври, что было бы хорошо, если бы ЗИНОВЬЕВ вернулся в Коминтерн.

После встречи, повидимому, случайной на улице с ПЯТНИЦКИМ, ЗИНОВЬЕВ рассказывал, что у него такое впечатление, что ПЯТНИЦКИЙ отдает себе отчет в скверной работе Коминтерна и тоже не имел бы ничего против его возвращения в Коминтерн.

Все эти разговоры ЗИНОВЬЕВА, повторяю, не несли характер какой нибудь продуманной, законченной политической линии, а скорее жалоб и выражения сомнений и колебаний, общий смысл которых, однако, явно клонился к ревизии тактики Коминтерна.

Я должен признать, что не придавал всему этому особого значения и даже не давал себе труда спорить с ЗИНОВЬЕВЫМ, зная как часто меняется у него настроение и давая себе ясный отчет, что под всем этим кроется какая-то смутная надежда на то, что его еще призовут в Коминтерн для "исправления его ошибок". Я даже как-то посмеивался над ним, говоря: "Вижу, что тебя все еще тянет в Коминтерн".

В конце концов, эти ревизионистские настроения по поводу тактики Коминтерна привели к тому, что ЗИНОВЬЕВ явно подпал под влияние литературы ТРОЦКОГО. Это было в самое последнее время после возвращения его из Кисловодска, т.е. уже

в ноябре-мес. Он получил доступ к литературе ТРОЦКОГО в Институте Маркса и Энгельса и, начитавшись ее, как-то пришел ко мне и, рассказывая о том, что прочитал, упирал на два пункта: во-первых, что ТРОЦКИЙ вошел в французскую социалистическую партию (что было новостью для него и, тем паче, для меня), и что наши газеты почему-то об этом молчат, во-вторых, что, прочитав статьи ТРОЦКОГО, он получил такое впечатление, что ТРОЦКИЙ, конечно, не прав в своей положительной программе, но почти во всем прав в своей критике, особенно в международной области.

Это был, несомненно, рецидив троцкистских настроений, который я себе об"яснял тогда тем, что в литературе ТРОЦКОГО. ЗИНОВЬЕВ нашел подтверждение и, как бы, завершение своих критических настроений по отношению к тактике Коминтерна, и тем, что вывод из "Большевика" вновь кинул его в настроение озлобления.

В связи с этим, вспоминаю еще, что ЗИНОВЬЕВ несколько раз обращал мое внимание на фельетоны ПЯТНИЦКОГО в "Правде" о положении Коминтерна (которые я так-таки и не прочел), в которых он вычитал капитуляцию 3-го Интернационала перед вторым. Когда я с удивлением спросил, что это значит и как это ПЯТНИЦКИЙ мог в "Правде" пропагандировать капитуляцию Коминтерна, ЗИНОВЬЕВ об"яснил мне это так, что между строк статьи ПЯТНИЦКОГО можно прочесть: пусть 2-й Интернационал пред"явит нам какие угодно требования - мы все примем.

Должен к этому прибавить, что уже давно прошли те времена, когда мы с ЗИНОВЬЕВЫМ показывали предварительно друг другу рукописи своих статей и советовались о их содержании. Во всяком случае, за последние два года ни я ЗИНОВЬЕВУ, ни ЗИНОВЬЕВ мне своих статей не показывали. Я должен признать, что почти ни одной из его статей, даже в печатном виде, я не

читал и не могу поэтому сказать, нашли ли в его статьях в "Большевике" хотя бы завуалированное выражение описанное мною выше его настроение.

Вот все, что я в данный момент могу вспомнить о людях и настроениях, известных мне в последнее время.

Должен добавить, что я пришел, к сожалению, поздно к тому убеждению, что для дела компартии опасны не только прямые враждебные настроения и группы, но и те люди, которые хранят про себя свое отрицательное отношение в политике партии или к ее руководству, и поэтому я горячо желаю рассказать и выявить все, даже самые невинные на первый взгляд, настроения подобного рода.

Л. КАМЕНЕВ.

Допросили: ЗАМ. НАРКОМА ВНУТРЕННИХ
ДЕЛ СССР:

(АГРАНОВ)

ЗАМ. НАЧ. СПО ГУТБ НКВД СССР: (ЛЮШКОВ)

В е р н о: *В. В. В.*